

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СРЕДНЕСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Гультияев Вячеслав Евгеньевич

кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: slava_62@mail.ru

Пефтиев Владимир Ильич

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»,
кафедра «Экономическая теория и менеджмент»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: econom.teoria@yandex.ru

Титова Людмила Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: lux22@yandex.ru

JEL B 410; F020

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СРЕДНЕСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Аннотация: Новая экономическая реальность (НЭР) в контексте России выдвигает в качестве императивы радикальные обновления Стратегии развития на среднесрочный период (до 2025 г.). В её разработке обязаны принять действенное участие знакомые фигуры и эксперты: неолбералы и неомарксисты, государственники и институционалисты. Обоснована возможность и необходимость конструктивного синтеза официальной и альтернативных версий экономической политики власти и бизнеса. Методологическое обоснование Стратегии «Россия - 2025», на наш взгляд, могли бы обеспечить: а) концепция интегративных знаний (динамична и плодотворна в сравнении с методологическим плюрализмом); б) авторская гипотеза либерального этатизма; в) её прагматизм, с дистанцией от доктринальных разногласий. Асимметричный и разумный ответ на санкции Запада мог бы заключаться в суверенизации экономической политики с ориентацией на устойчивое развитие и прочное благосостояние трудящихся. Суверенизация предполагает мобилизацию всех внутренних резервов (старых и новых), реформирование экономики и общества с наименьшими потерями, оптимизацию экономических решений (дилемм), международное сотрудничество «по всем азимутам» на началах подлинного равноправия и взаимной выгоды. В предстоящий период предстоит реализовать мегапроекты, материализующие национальную идею (в любой трактовке) и обеспечивающие трансформацию России из великой сухопутной державы в морскую, открыть «окно» на Большую Евразию. Подготовка Стратегии должна сопровождаться тонкой настройкой институтов, инструментов и процедур.

Ключевые слова: системный кризис глобализации, суверенизация экономической политики России, институциональная трансформация ГЧП.

THE CONCEPTUAL BASIS OF THE RUSSIAN MEDIUM-TERM STRATEGY

Abstract: The New Economic Reality (NER) in the context of Russia nominates in quality imperatives radical updates of the Development strategy to the medium-term period (till 2025). Effective part familiar figures and experts of neoliberals and neomarxists, statesmen and institutionalist are obliged to take in its development. An opportunity and need of constructive synthesis official and alternative versions of economic policy of the power and business is proved. Methodological justification of Strategy «Russia - 2025», in our opinion, could be provided a) the concept of integrative knowledge (it is dynamic and

fruitful in comparison with methodological pluralism); b) author's hypothesis of the liberal etatism; c) her pragmatism, with a distance from doctrinal disagreements. The asymmetric and reasonable answer to sanctions of the West could consist in sovereignization of economic policy with orientation to sustainable development and strong welfare of workers. Sovereignization assumes mobilization of all internal reserves (old and new), reforming of economy and society with the smallest losses, optimization of economic decisions (dilemmas), international cooperation «on all azimuths» on the basis of original equality and mutual benefit. During the forthcoming period it is necessary to realize the megaprojects materializing the national idea (in any treatment) and providing transformation of Russia from the great overland power in sea, to open «window» to Big Eurasia. Preparation of Strategy has to be followed by thin control of institutes, tools and procedures.

Keywords: system crisis of globalization, sovereignization of economic policy of Russia, institutional transformation of SPP.

Новая экономическая реальность (НЭР). Санкции США, ЕС, Японии против России. Выход Великобритании из Евросоюза – Brexit. Атипичный президент США Д. Трамп («Фактор Трампа»). Неупорядоченная массовая миграция в Европу. Эти и им подобные медийные события (т.е. поверхностный слой миропорядка) скрывает за собой глубинные явления и процессы, заслуживающие политико – экономического анализа. Из многообразия проблем и сюжетов в новейшей геэкономике и геополитике нами отобраны три тематические рубрики: 1) новые контуры системного кризиса глобализации; 2) суверенизация экономической политики России; 3) институциональная трансформация государственно – частного партнерства (ГЧП). Нас интересуют специфические подходы к каждому проблемному пространству в экономической теории, без презентации текущих и ожидаемых институциональных решений и статистических данных. Аргументация отдельных тезисов статьи содержится в цикле публикаций авторов в разных изданиях (после 2010 года), в том числе и на страницах электронного журнала «Теоретическая экономика» (№ 2-4 за 2017 г.) [5]. Изложения и исследования заявленных тем опираются на материалы научных дискуссий и обзоров деловой печати и ТВ.

I. Новые контуры системного кризиса глобализации

Новая экономическая реальность (НЭР) напоминает общественный калейдоскоп, к фрагментам которого приковано внимание политиков и экономистов, публицистов и ученых. Феномен стремительно взрослеет, получает право гражданства и свое наименование (в России на международном экономическом форуме в Петербурге 2016 года). Артикуляция НЭР ещё далека от завершения, поэтому каждый видит новое в миропорядке через увеличительное стекло. Для одних главное в НЭР видится в тотальной неопределенности и повышенных рисках. Отсюда происходят такие политические аномалии (парадоксы) как Brexit, победа Д. Трампа на выборах в США, президент Франции Э. Макрон, как спасатель Европы и др. [10]. Другие наблюдают и измеряют углубление разрыва в динамике доходов от труда и капитала [Т. Пикетти, 9]. Антиглобалисты объясняют мировые катаклизмы (гражданские войны, геноциды в Африке, великое переселение мигрантов) бесчеловечностью глобального капитала. Третьих волнуют низкие темпы экономического роста как новая «норма» в долгосрочной перспективе. В этой связи множатся прогнозы нарастания политических неурядиц и социальных конфликтов. Оптимисты в экономике и политике надеются на взрывной эффект от достижений IV промышленной революции и VI технологического уклада.

Текущая хроника богата на события и тренды (наблюдаемые и измеряемые тенденции), подтверждающие тезис о тотальной неопределённости и повышенных рисках в геэкономике и геополитике. Соперничество США – КНР вступило в новую фазу своей эволюции, это чревато для России диверсификацией вызовов и усложнению головоломок в определении своей позиции к происходящему, лавине перемен. Лидерство США в мире угасает, чем и объясняется, в некоторой степени, брутальность поведения Д. Трампа на мировой арене. Прошли те времена, когда конкурентные преимущества Китая объясняли дешевизной рабочей силы и выпуском товаров массового спроса не

всегда высокого качества. XIX Съезд Коммунистической партии Китая (КПК), обновив Политбюро (25 человек) и Постоянный комитет (7 человек), поставил перед страной амбициозные задачи: занять ведущие места в сфере высоких технологий и цифровой экономики и обеспечить её жителям среднюю зажиточность.

Нами выбран ступенчатый (троичный) алгоритм анализа НЭР в контексте глобализации: 1) структура глобализации; 2) дуализм и системность кризиса глобализации и 3) новые контуры системного кризиса глобализации. Глобализация предстает как целостность, базирующаяся на шансах, вызовах и угрозах. Шансами надлежит воспользоваться субъектам глобализации. Вызовы – это нестандартные задачи, не имеющие приемлемого решения. Угрозы несут с собою прямые и косвенные потери для жертв глобализации. НЭР может означать сжатие шансов, диверсификацию вызовов и угроз, особенно для России. Кризис любого статуса (типа, модели) сочетает в себе полураспад устарелого или дисфункцию, с одной стороны, и зарождение инноваций во враждебной среде – с другой. Сказанное в полной мере относится к кризису глобализации. Системность кризиса глобализации подтверждается потерей устойчивости в мировом хозяйстве (полной или частичной), доминированием центробежных тенденций, слабой защитой от шоков (потрясений) внутреннего и внешнего происхождения. Раньше кризисы глобализации (с рубежа XX-XXI в.) в основном совпадали с низшей фазой деловых циклов (Жюгляра, Кузнеца, Кондратьева). К ним добавляются и следующие новые факторы.

1. Вялость и политизация деятельности международных экономических организаций старого типа (МВФ, ВБ, ВТО и др.) неадекватны реалиям XXI века и вступают в разительное противоречие с интересами крупных развивающихся стран (КРС) и остального мира за пределами «золотого миллиарда» (ОЭСР). Россия вместе с Китаем призвана проявить инициативу и осуществить конкретные меры созданию альтернативных центров и институтов с участием ЕАЭС, ШОС, БРИКС, АТЭС и др.

2. Имперский неопротекционизм США («фактор Трампа») игнорирует геэкономические интересы своих союзников в Евросоюзе и прибегает к ужесточению санкций против России, Китая, других стран. Такой политикой Д. Трамп выглядит «чужим» даже для «своих». Санкционный закон может и должен быть преодолен активизацией внешней политики России и ориентацией на внутренний рынок.

3. Нарастает эрозия в экономике и политике Евросоюза, выражающаяся в Brexit, неупорядоченной миграции, амбициях Польши над лидерством в Прибалтике и Восточной Европе и др. Кризис государственности на Украине в сочетании с гражданской войной могут оказаться «замороженными» на годы и десятилетия. В этой связи России придется определиться, какие направления во внешнеэкономических связях с Европой остаются партнерскими, где сохранить статус-кво или перенаправить на Восток (Китай, Индия, Япония, Р. Корея, ЮВА).

Эти факторы отнюдь не кратковременного действия, что следует учесть в среднесрочной стратегии России – многовекторной, мобилизационной, без втягивания в гонку вооружений и новые региональные и локальные конфликты. В повестке дня – приоритет инфраструктурных проектов и объектов для ключевых регионов с точки зрения новой пространственной организации производительных сил России (Северный морской путь и Арктика, Калининград – окно в Европу, Крымский мост для Причерноморья, территории опережающего развития в Сибири, на Дальнем Востоке). Речь идет о суверенизации экономической (политики), заявленной в 2007 г. В.В. Путиным в Мюнхене. Термин «суверенизация» заимствован нами из лексикона политологии и юриспруденции. Но он органично вписывается в миссию классической политэкономии (А. де Монкретьен, К. Маркс).

II. Суверенизация экономической политики России. Россия на перепутье

Она вышла из системного кризиса 2014-2016 годов, порожденного вялостью мировой экономики, внешними шоками (низкие цены на нефть, санкции Запада, обвал российского рубля к доллару и евро)

исчерпанием потенциала сырьевой стратегии. Темп роста ВВП за 2017 год (прогнозы в интервале 1,5-2%) ниже директивы президента – выше среднемировых к рубежу десятилетия. Такая медлительность никого не устраивает; она не позволяет восстановительному росту выйти на рубежи докризисного 2013 года и компенсировать потери населения и бизнеса от спада, инфляции, безработицы, банкротства. Ежегодные антикризисные планы правительства дали определенные позитивные эффекты, адаптировали экономику к санкциям, запустили импортозамещение, наметили и приступили к осуществлению институциональных новинок. Но сделанного ранее явно недостаточно; созрела потребность в новой стратегии. Мы назвали ее суверенизацией экономической политики России, что предполагает полное равноправие и взаимную выгоду в международных связях, разумную самодостаточность, мобилизационную модель социально-экономического развития, завершение периода первоначального накопления капитала, институциональные и структурные реформы.

Впервые изменены процедуры принятия стратегических решений до 2025 года. Главным разработчиком остается министерство экономического развития (МЭР, М. Орешкин). Альтернативные документы доверены, с одной стороны, Центру стратегических разработок (А. Кудрин) и Столыпинскому клубу (уполномоченный по делам предпринимателей Б. Титов). Свои замечания и рекомендации высказывали и высказывают при каждой встрече с руководством России Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Торгово-промышленная палата (ТПП), а также советник Президента академик С. Глазьев. Что будем иметь на выходе: частичный синтез или расхождений позиций, без намека на разумные компромиссы? Ждать осталось недолго.

Политэкономия предупреждает: начало всех преобразований – четкие идейные установки. В научном сообществе идут жаркие дискуссии относительно концептуальных основ среднесрочной стратегии России до 2025 года, в которых участвуют либералы и неомарксисты, государственники и институционалисты [3,7,11]. Сверхзадача соавторов назвать и кратко предоставить концептуальные доводы в пользу гипотезы о возможности композитной («гибридной») стратегии в условиях разноречивости наличествующих доктрин.

Противостояние в постсоветской России мейнстрима (неоклассического синтеза) и неомарксизма даёт определённые шансы на компромисс, посреднические функции относительно нейтральному неоинституционализму и поведенческим концепциям. Одна из ветвей неоинституционализма, представленная идеями Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона, считает своим «жестким ядром» институт, который, как фактор устойчивого экономического развития эффективнее моделей размещения ресурсов. Эти авторы внесли весомый вклад в критерии и типологии транзакционных издержек [10]. Но и эти концептуальные новации не полностью адекватны реалиям процесса трансформации экономики и общества. Трансформационные издержки имеют особый статус; их проявления в России исторически конкретны от одного системного кризиса к другому. Теория трансформации для западной исторической науки воспринимается как периферия. Готовыми рецептами для России никто не располагает [6].

К вышесказанному следует добавить и существенные особенности экономической политики в сравнении с экономической теорией. Воспользуемся трактовкой Л.М. Григорьева [6, С. 140]. Политики обязаны всегда учитывать контекст, совокупность объективных факторов и субъективных обстоятельств; вступать в компромиссы (взаимные уступки); избегать цейтнота (дефицита времени) на поиск оптимальных решений. Политики за свои ошибки и заблуждения отвечают лишь перед парламентами, избирателями и элитами.

Отсюда делаем предположение, что Стратегия Россия – 2025 будет разрабатываться пошагово, фрагментами, и с анализом последствий «на ходу», без представления общественности единого и целостного пакета документов.

Концепция интегративных знаний нацеливала доктринальных оппонентов на совместный поиск точек и зон совпадения идей и действий. Ее отличают динамизм и долготлетие в сравнении с

тезисом (утверждением) о методологическом плюрализме, который лишь фиксирует существующие конфигурации роли и места доктрин, концепций и научных школ. Эти преимущества объясняются генезисом концепций интегративных знаний как совместного продукта философии (один из ее инициаторов – В.С. Соловьев, этюд 1877 г.), политэкономии (образец сочинения К. Маркса) и жизненного опыта всех и каждого. Опасения в эклектизме не лишены оснований, но они преодолеваются: а) саморазвитием концепции, множественностью удачных приложений к разным сферам жизнедеятельности человека; б) объективной тенденцией к накоплению и приращению знаний из всех доступных источников; в) взаимной осведомленностью и результатах, проблемам и перспективах экономических и родственных, смежных наук, прежде всего социально-гуманитарного профиля (программа – минимум) и междисциплинарными проектами, программами, форумами, конференциями, семинарами (программа – максимум).

Авторская концепция либерального этатизма как ведущего признака экономической политики России начала XXI века [8]. Государство и бизнес (предпринимательство) – это мощные экономико-политические силы (каждая своеобразно действующая), перманентные, соперничающие, амбициозные. Их отношения конфликтно-компромиссные, но они обречены на партнерство. Маршруты исторических судеб государства и частного разнонаправленные. Монополия государства в экономике была подорвана импульсивными акциями в годы перестройки. Десятилетия 90-х годов XX в. ознаменовались катастрофическим ослаблением государства. В последующем государственность (этатизм) возрождается. С вторжением рыночных отношений государство из одних сфер уходит (например, ценообразование или собственность с отдельными исключениями), в другие приходит («цифровая экономика», Интернет, информационная безопасность), а в большинстве – трансформируется. Частные хозяйства, подавленные при Советской власти, спонтанно-рукотворно появляются на закате перестройки и нелинейно эволюционируют на протяжении одной четверти века. Российский бизнес находится на этапе первоначального накопления капитала, зачастую с нелицеприятным поведением. Полезно в этой связи перечитать соответствующую главу первого тома «Капитала» К. Маркса. В третьем фрагменте статьи рассмотрим отдельные аспекты государственно-частного партнёрства.

Стратегия России – страны с более чем стысячелетней историей – не единожды предопределялась идеологией, со всеми достижениями и провалами. Но, по своему истинному назначению, национальная стратегия должна дистанцироваться от доктринальных предпочтений. Достижение компромисса при разработке, обсуждении, принятии и исполнении стратегии России до 2025 года – исторический вызов, иначе революция, смута, распад. Прагматизм национальной стратегии можно обнаружить в альтернативных концепциях, кажущихся полярными и непримиримыми.

Академик Абел Аганбегян в интервью «Комсомольской правде» «Отпустить тормоза» называет 5 экономических «привычек», которые мешают России развиваться, и одновременно выдвигает предложения для федеральной власти [1]. Наши краткие комментарии по каждой «догме» в интерпретации российского академика, популярного на пике перестройки, выглядят следующим образом.

1. Догма о благотворительности бездефицитного бюджета путем соблюдения жестоко режима экономики. Безопасный рубеж дефицита, официально признанный в Евросоюзе и поддержанный другими странами, – 3% ВВП. Идея разумная, реализуемая после достижения финансовой стабилизации и оптимизации бюджетных расходов с учетом позиции Счетной палаты РФ. Бездефицитность бюджета России как ориентир отодвигается на 2-3 «финансовые трехлетки».

2. Золотовалютные резервы (ЗВР) использовать на ежегодные финансирование 15-25 млрд долл. на вложения в основной и человеческий капитал. Назревшая мера. Радикализм по части траты ЗВР неконструктивен по ряду причин и обстоятельств: профицит торгового-платежного баланса сжимается из-за низких мировых цен на нефть и газ; рост внешних обязательств России в валюте, предкризисная

ситуация с валютой и финансами во многих странах.

3. Догма «не брать кредиты». Академик рекомендует ежегодно занимать на внешнем рынке по 20-30 млрд. долл. в год. Трудно реализуемая задача и потенциально опасная. Надо учитывать не только и не столько внешний долг российского государства, но и совокупный долг, включая долги корпораций и банков, отдельных регионов. Да и источники внешнего заимствования сведены до критического минимума из-за финансовых санкций США. Полезным бы считали заметить, что, например, внешние кредиты арабских и азиатских стран и инвестиционных фондов привязаны к конкретным проектам, т.е. адресны и скованы конкретными обязательствами.

4. Привычка давать деньги безвозмездно министерством и регионам: напрямую без участия банков, не требуя окупаемости, с крупными авансовыми платежами. Оправдана замена (частичная) бюджетного финансирования банковским кредитованием, инвестиционными кредитами по низким процентным ставкам на длительные сроки.

5. Щадящий режим для богатых по налогам вызывает недовольство населения и оппозиции. Речь идет о введении прогрессивных ставок обложения подоходным налогом (НДФЛ). Общественные возмущения эмоционально справедливы, но эффект от новаций только по одному налогу (без системного налогового маневра) может быть спорным и кратковременным, с угрозами для собираемости налогов и стабильности налогового администрирования. С учётом сложного баланса приобретения и потерь желательно отнести начало налоговой реформы к 2020 году.

Альтернативная концепция акад. А. Аганбегяна (с конкретными цифрами) заслуживает вдумчивого изучения и является образцом поведения ученого на рубеже эпох, веков, десятилетий...

Журнал «Экономист» (б. «Плановое хозяйство») относится к радикальным критикам официальной экономической политики. Авторский коллектив представляет доказательный анализ «узких мест» в экономике России по отраслям, комплексам и регионам. Главный редактор журнала С. Губанов и его соратники не жалуют нынешнее руководство страны и напоминают о тех или иных фиаско с декларациями о намерениях. В журнале регулярно публикуются статьи экономистов – теоретиков.

Лидер журнала С. Губанов прозорливо подметил отрыв концепции постиндустриализма от действительности (чудовищные забеги вперед) и избыточные претензии неоллиберализма на мейнстрим в экономической науке. Концепция реиндустриализации относится к разряду авангардных, особенно её аргументы против чрезмерной экспансии сферы услуг и принижения на деле обрабатывающей промышленности. Рациональное зерно содержит и тема вертикальной интеграции в экспортных отраслях с растущей долей добавленной стоимости. Острые споры, естественно, возникнут по дорожной карте реиндустриализации. Идея возрождения Госплана под любым институциональным прикрытием, на наш взгляд, утопична и может обернуться очередным сочинением бюрократии. Централизации хозяйственного управления противодействуют такие факторы: а) чрезмерная вовлеченность России в мирохозяйственные потоки товаров, услуг, работ; б) расплывчатость границ отраслей и комплексов в рамках российских и зарубежных ТНК; в) выпадение из компетенции постсоветского Госплана огромного массива малых и средних предприятий и фирм. Из советского наследия сохраняют свою актуальность схемы размещения производительных сил разновеликих масштабов в информационно – рекомендательной редакции при содействии академической и вузовской науки. Полезно разрабатывать раз в десятилетие Баланс народного хозяйства (БНХ) с целью стратегического мониторинга итогов деятельности власти, бизнеса и домохозяйств (ДХ).

Убеждены, что интегрированная стратегия развития России до 2025 года, с точки зрения концептуальных предпосылок, необходима и возможна. Конечно, были, есть и будут доктринальные, оперативные и кадровые конфликты и трения. Национальный консенсус, регулярно обсуждаемый и при наличии политической воли и диалога всех заинтересованных сторон, может быть достигнут на

блага России.

С точки зрения концептуально-прагматических приоритетов, согласованная Стратегия должна быть: во-первых, мобилизационной; во-вторых, способной к оптимизации дилемм, в-третьих, нацеленной на реформирование экономики с наименьшими потерями. Поясним каждое условие. Мобилизации подлежат все ресурсы (старые и новые) и все инструменты регулирования без каких-либо запретов (табу) по политической целесообразности и доктринальным мотивам. Назовем их. Государственная собственность. Приватизация. Институциональное регулирование. Рыночная синергия, т.е. саморегулирование спроса и предложения. Адресное (ручное) управление. Таргетирование, т.е. цифровые ориентиры в макроэкономике (инфляция, дефицит бюджета, доли доходов и расходов к ВВП). Дилемма в экономике – неизбежной спутник. Примеры. Ипотека и/или реновация жилья в режиме софинансирования? Приоритетные отрасли (производства) или точечные объекты и инвестиции? Тотальная модернизация и/или селективные инновации?

Считаем необходимыми следующие действия. 1) Дать простор, способствовать вариативности в разрешении дилеммы. 2) Наступило время для непопулярных реформ (пенсионная, налоговая, административная и т.д.). Сократить до минимума численность бедных, недовольных своей жизненной ситуацией. Обратит особое внимание на две поколенческие страты: 1) уязвимые в рыночной экономике (пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми и др.). 2) молодежь в возрасте от 15 до 20 лет (поколение Next) в поисках смысла жизни и образовательной связи. Незамедлительно пресекать скандальные проявления рыночного эгоизма и административного произвола.

III. Институциональная трансформация ГЧП

Россия мучительно и даже со страхом пережила системный кризис 2014-2016 гг. Очевидно, что упреждающие антикризисные законы заблаговременно не прорабатывались или показали себя малоэффективными. Не подлежит сомнению, что обнажились дисфункции в механизме функционирования государственно – частного партнерства. Что сделано и не сделано каждым партнером этого альянса?

Государство дебютировало с учреждением конкретных институтов поддержки комплексов: ОПК (оборонный заказ на перспективу), АПК (импортозамещение), малый и средний бизнес (МСП) – государственная корпорация, банковская сфера (особый режим санации и стабилизации, фонд Банка России), промышленность и экспорт (фонды развития). Разумеется, не все идет гладко: мешают коррупция, непрофессионализм чиновников, низкая деловитость бизнеса.

Приобретает зримые очертания тонкая настройка хозяйственных инструментов. Перечень институциональных инноваций впечатляет: «дальневосточный гектар»; совершенствование оценки земли, недвижимости, бизнеса, залога; банковская карта «Мир»; учреждение независимого рейтингового агентства «АКРА»; облигации федерального займа (ОФЗ) для населения и др. Госсовет поддержал предложение Президента о реструктуризации долгов регионов на 7-12 лет.

Возросла институциональная активность министерств и ведомств, которая привела к трансферту набора полномочий и привлечений их к ответственности за улучшение макроэкономики. Отныне Минфин курирует Налоговую и таможенную службы. Казначейство следит за исполнением важнейших заказов. Минфину и казначейству предоставлено право покупать валюту для пополнения резервных фондов и выполнения текущих обязательств. Минфин готовит предложение по бюджетному маневру до 2025 г.: НДС, страховые взносы, экспортная промышленность, НДСП, введение налога на финансовый результат в НГК и др. В числе институциональных реформаторов числятся Банк России, Счетная палата, Антимонопольная служба (ФАС), Министерство энергетики, Министерство сельского хозяйства, Транснефть и т.д. Банк России регулярно пополняет запасы монетарного золота и приближается к рекордам Советского Союза (2000 – 2500 т).

Пробиваются ростки внятной пространственной политики, которая охватывает не только

территории с ресурсами и без таковых, но и изучение среды обитания (в городах и сельских местностях, промзонах и др.), состав и результаты действующих игроков. Намечился курс на диверсификацию и интенсификацию партнерских отношений Федерации с регионами, регионов друг с другом. Институциональная перестройка касается участия министерств и подведомственных им предприятий и компаний в налаживании межгосударственного сотрудничества. Оправдывают своё существование кластеры, агломерации, макрорегионы, территории опережающего развития и др.

Многое еще предстоит осмыслить и затем выполнить в институциональных решениях. Прежде всего, оптимальные границы огосударствления и приватизации – предмет острой полемики между С. Губановым (гл. редактор журнала «Экономист») и акад. А.Г. Аганбегян (РАНХ иГС). [4]. Недостаточная прозрачность власти и её активов в «Большой приватизации» (по индивидуальной мерке из Президентского списка). В деятельности ФАС не всегда просматривается концептуальное сопровождение нормативных актов по защите рыночной среды от посягательств монополистов любого ранга, олигархического сговора, административного нажима, мошенничества и прочих бед.

Немало нареканий и в адрес бизнеса, всех его фракций. Грубые и виртуозные схемы уклонения от налоговых обязательств. Низкая социальная ответственность. Фиктивные банкротства, бегство капитала, коррупция. Деловая культура ниже критических стандартов. Нарушения трудового законодательства.

Пожелаем сообществу экономистов – теоретиков чаще прибегать к освоению корпоративной практики как одного из важных источников обновления и приращения знаний.

Завершим статью прообразом национальной идеи и футуристическим прогнозом: обустройство территории, быта и души. Будем работать на то, чтобы нецивилизованный период первоначального наклонения капитала завершился к 40-летию рыночных блужданий» (1985-2025 гг.)!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аганбегян, Абел. Отпустить тормоза. 5 экономических привычек, которые мешают России развиваться // Комсомольская правда. – 2017. - №30. - С.14.
2. Балацкий Е. О возможной смене глобального лидера мировой экономики // Общество и экономика. – 2014. - №1. – С.3-20
3. Глазьев С.Ю. О новой парадигме // Экономическая наука современной России. – 2016. - №4 – С.10-22;
4. Губанов С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальном подтексте // Экономист. – 2017. - №8. – С.3-27;
5. Гульятев В.Е., Пефтиев В.И., Титова Л.А. Новая экономическая реальность и Россия // Россия и Европа: связь культуры и экономики. Материалы XVIII международной научно-практической конференции (28 февраля 2017 года). – Прага:WorldPress, 2017 – С.370 – 374/479;
6. Григорьев Л.М. Два дискурса в российской экономической науке // Вопросы экономики. –2017. - № 9 – С. 137-138, 135-157.
7. Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. – 2017. - №5. – С. 5-28.
8. Пефтиев В.И. Либеральный этатизм в России: контур феномена // Яр.пед.Вестник. – 2013. - т.1.- №3. - С. 68-72.
9. Пикетти, Томас. Капитал в XXI веке. – М.: Маргинем Пресс, 2016 – 592 с.
10. Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // Вопросы философии. – 2017. - № 6. – С. 68, 63-73.
11. Яковлев П.Я. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // МЭ и МО. -2017. - №7. – С.5-14.
12. Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Повышать конкурентоспособность российской экономики:

контраст видения неоклассики и теоретической экономики // Теоретическая экономика. – 2015. - № 5. - С. 11.

13. Гордеев В.А. К развитию современной России // Теоретическая экономика. – 2015. - № 4. - С. 8.

14. Родина Г.А. Структура теоретической экономики: эволюция взглядов // Теоретическая экономика. – 2012. - № 5. - С. 26.